

Петр Алешкин

Пермская обитель

Рассказы о любви

Петр Алешкин

**Пермская обитель.
Рассказы о любви**

«Издательские решения»

Алешкин П.

Пермская обитель. Рассказы о любви / П. Алешкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833431-3

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием — поток действия. В книгу «Пермская обитель» включены как широко известные, переведённые на многие языки мира, рассказы о любви, так и новые, ещё неизвестные читателю.

ISBN 978-5-44-833431-3

© Алешкин П.
© Издательские решения

Содержание

Книга о любви	6
Пермская обитель	8
Мой брат	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пермская обитель
Рассказы о любви
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-3431-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга о любви

Три книги Петра Алешкина теща обнаружила у меня в библиотеке, утащила к себе домой и по прочтении поставила на видное место у себя в квартире.

– Я их иногда перечитываю, – заявила она. – А когда ты захочешь почитать, я тебе буду давать. Давай это будет твоим настоящим подарком ко дню моего рождения?

Я пригляделся к обложкам: «Откровение Егора Анохина», «Трясина Ульт-Ягуна» и «Костер в тумане». Последнюю книгу я, признаюсь, в то время еще не прочитал. Достал своего любимого М. Сервантеса – и забыл как-то о том, что стоят, приготовившись для рецензирования, книги моих современников. Тем более, что подзаголовок «Книга о любви» показался мне сентиментальным не по-русски, словно вызов Ивану Бунину – Нобелевскому лауреату, забытому ныне на Западе. Книги Ивана Алексеевича сейчас велено изучать в русских школах, а в мое время почитался он писателем малозначимым – из числа не принявших советскую власть, да и только.

Ну, не люблю я Бунина, ничего тут не поделаешь. Ценю за профессионализм, согласен с высокой оценкой рассказа «Легкое дыхание» психопатологом В. Выготским, написал даже пьесу «Мистерия о преславном чуде» с Буниным в качестве основного персонажа, но душа моя отвергает этого маститого литератора. Может, потому, что обо всех своих современниках он писал только гадости, а в «Деревне», которой так восхищаются его декадентствующие товарищи по литературному цеху, Иван Алексеевич показал, как презирает русский народ, да и вообще, судя по всему, всех, кто работает руками, не умеет пользоваться полным столовым набором, не имеет возможности гулять с тросточкой по тенистым аллеям, рассуждая о высоких чувствах. О чем и сказал своей теще.

– А Петр Федорович пишет о любви лучше Бунина, – ошеломила меня восьмидесятилетняя моя собеседница. – Бунин по внутреннему своему складу пошляк, – продолжила она и вовсе кощунственное. – А Алешкин пишет о том, как настоящий мужчина любит настоящую женщину.

Я перевел взгляд на книжные полки еще раз – и только тут обратил внимание на то, что с них исчезли несколько книг из серии «Шарм» и прочих «дамских романов».

– Да, да, – правильно истолковала она мой молчаливый вопрос. – По прочтении книги «Книги о любви» я поняла, что писатели-женщины тоже не умеют писать о любви, – и тут же объяснилась. – Смешно сказать, но только сейчас, на склоне лет, я вдруг поняла, что большая часть книг, которые прочитала в своей жизни, были написаны вовсе не о том, о чем следует писать. Твои книги, Валерий, я не трогаю, они могут мне нравиться только потому, что ты – муж моей дочери. Но вот читаю я любую вещь Петра Алешкина – и вижу, что время теряю не зря, ибо узнаю много нового для меня о главном. О любви. И в этой книге, и в этой, и в этой... – показала на полку с книгами Петра Федоровича.

Кто-то скажет мне в ответ: «Во – нашел авторитет: старуху, да еще и тещу. Вот кабы подобное заявил авторитетный литературовед или знаменитый литературный критик! А старухи – они все чокнутые, и слушать их ни к чему».

Я болтать подобного вздора не стал, попросил некогда свою, а теперь тещину книгу «Костер в тумане», прочитал. Не по способу скорочтения. Потому что с первых строк книги рассказов о любви меня потрясла интонация авторская. Никто из русских писателей, мне кажется, не выбирал интонацию такого рода, когда писал о том, как в далекой уж юности возлюбленная его не признала в нем того, кто достоин любить ее.

Прочитал я «Книгу о любви» залпом, в одну ночь. Жена утром посмеялась, а в следующую ночь уже спал я, а она читала рассказы Петра Алешкина. А потом сказала мне до обидного просто:

– Вот как надо писать.

Несколько совершенно разных историй о том, как и почему мы вдруг любим тех, кто нас не любит или нас любят те, кого не любим мы. Мужчина и женщина... всегда два человека. И ни одной похожей на другую историю. И все добрые. И это – самое потрясающее в наше время: русская книга добрая и о добре. Единственная, быть может, за последние полтора десятилетия.

Герои Петра Алешкина – люди действия, люди поступков, умельцы принятия кардинальных решений и смелых поступков. Как герой цикла рассказов «Юность моя – любовь да тюрьма» дважды оказавшийся за решеткой только потому, что поступал благородно, заступался за обиженных и угнетенных, скрывал подлости женщин от окружающих и оставался всегда рыцарем без страха и упрека. Даже когда совершил единственную низость в своей жизни, то для того лишь, чтобы спасти брата от безрассудного поступка.

Младший сын мой, прочитав «Книгу о любви», сказал с ноткой зависти в голосе:

– Как красиво вы жили в Советском Союзе! Жрать не было, а любили друг друга по-настоящему. Не то, что сейчас.

Юношеский максимализм бывает порой более объективным, чем прагматизм взрослых. Но я, чтобы не быть зависимым от мнения семьи, передал книгу членам берлинского клуба любителей русского изящного стиля (КЛИРСа). Пусть почитают, мол, и выскажутся.

Результат не заставил себя ждать: книга исчезла с полок всех берлинских русских магазинов, стала бестселлером в Германии таким же, как и в России. С трудом выпросил у КЛИРСовцев книгу назад и вернул возмущенной моим поступком теще. Но перед этим перечитал несколько рассказов: свой любимый «Пермская обитель», милейший «Костер у дороги», добрейший «Мой брат» и так далее. На всякий случай – вдруг теща больше не даст книги.

Валерий Куклин, Берлин

Пермская обитель

Рассказ

– Нет, нет, – быстро возразил Олегу Вдовину отец Михаил и мягко улыбнулся. – В монастырь меня привела любовь! – И уточнил, вздохнул со светлой грустью. – Обычная земная любовь, земная страсть!

– Не может быть! – не удержался, невольно воскликнул Олег и со стуком поставил на полированный стол рюмку с водкой. Сидели они в небольшом кафе за маленьким столом на двоих. Вдовин поразился, как мог Алешка Каменев (так в миру звали отца Михаила) скрыть от него свою страсть, которая привела выпивоху, бабника, весельчака, преферансиста, одним словом, компанейского рубаху-парня, в монастырь.

– Неужели ты не догадывался? – глядел на Олега Вдовина с прежней тихой, мягкой улыбкой отец Михаил.

– Помню, что ты изменился после поездки в Пермь, крутился, когда я тебе звонил, звал в ЦДЛ посидеть за рюмкой, поболтать. Я уж решил, что ты за роман засел. Ну, думаю, скоро выдаст... Помнишь, ты поговаривать начал, что пора на прозу переходить... Да-а... По правде сказать, я был ошеломлен, когда узнал, что ты в монахи подался... Такой жизнелюб – и в монастырь! С ума сойти можно! Это не только меня поразило, многие друзья наши долго пошучивали в буфете ЦДЛа, что ты грехи свои тяжкие замаливать подался. Уж мы с тобой погрешили много, – засмеялся Олег, глядя на крупное, красивое лицо с широкой густой бородой отца Михаила. Наметившаяся проседь в темных волосах бороды, на висках делала его доброе лицо еще романтичней, притягательней, подумалось, что такому человеку приятно исповедоваться, легко делиться наболевшим. Отец Михаил был высок ростом, плечист, за те три года, что Олег не видел его, пополнил, еще шире раздался в плечах, но остался по-прежнему моложавым, ни единой морщинки не было на его лице. Выглядел он эдаким добродушным богатырем, таким, вероятно, был легендарный монах Пересвет. Вдовин заметил, что после его слов о грехах отец Михаил опустил глаза, смутился, поскуцнел. Вероятно, он подумал, что Олег, захмелев, начнет вспоминать какой-нибудь буйный эпизод из шальной молодости, испортит встречу.

– Возьму-ка и я винца, – пробормотал отец Михаил, неторопливо вставая со стула, но Вдовин опередил его, живо вскочил, говоря:

– Сиди-сиди, я принесу! – и приостановился. – А тебе можно?

– В меру не грех...

Олег Вдовин быстро направился к бару меж тесно расставленных столов. Посетителей в кафе было мало, несмотря на обеденное время. Вдовин, в отличие от Каменева был худощав, быстр, до суетливости, в движениях, добродушен, всегда готов был сделать приятное ближнему.

С Алешкой Каменевым они сдружились лет восемнадцать назад: познакомились на Всесоюзном совещании молодых литераторов и как-то сразу потянулись друг к другу. Алешка только что перебрался в Москву из Перми. Был насторожен, молчалив в говорливых компаниях поэтов-москвичей, а Олег к тому времени пообтерся среди них, был поуверенней. С тех пор их жизнь шла рядом. В одних издательствах выпускали книги, вместе вступили в Союз писателей, частенько сживали в нижнем буфете Центрального дома литераторов, частенько в одной компании бывали в командировках, где очень весело и пьяно проводили время. Скажите, какой поэт не любит женщин? И какая женщина может устоять перед добродушным балагуром, высоким красавцем-брюнетом? Как сам Алешка Каменев шутливо писал о себе: «Как хорошо быть ветреным брюнетом, с особым шиком жить, как уркаган, играть в рулетку, херес пить при этом, и с новой дамой заводить роман!» Веселым, легким, удачливым был Алешка

Каменев, потому-то так неожидан был его уход в монастырь. Олегу было обидно, что он ни разу не намекнул ему, своему другу, о таком желании. Внезапно исчез, ни слуху ни духу, и вдруг Вдовин узнает – Алешка Каменев подался в монастырь! Сначала он не поверил, потом убедился – правда. Три года они не виделись. А сегодня в Перми, в День книги, в городском культурном центре на встрече местной интеллигенции с московскими писателями Вдовин со сцены обратил внимание на монаха, сидевшего среди слушателей в зале, и вдруг с восторгом узнал Алешку Каменева.

И вот они сидят в кафе, говорят неспешно. Олег чувствует некоторую неловкость, не знает как себя вести с отцом Михаилом, опасается неуклюжим словом задеть его, обидеть, ведь теперь рядом со ним не поэт Алешка Каменев, а монах. Кажется, что его черное монашеское одеяние невидимой стеной встало между ними.

Олег принес полный бокал красного сухого вина, поставил перед отцом Михаилом.

– Грустно что-то... – вздохнул монах.

– Осень, – наигранно бодро откликнулся Вдовин и пошутил: – Осенью душа поэта всегда в грусти и печали! Слышишь, как тонко, сыро пахнут осенние листья, как уныло ноет троллейбус, трогаясь от остановки, – кивнул он на открытое окно. – Кстати, тебе не дует, а то, может, закроем?

– Пускай, – вяло махнул рукой отец Михаил и взял бокал.

Они выпили.

– Честно говоря, я не совсем ловко чувствую себя рядом с тобой, – признался Олег. – Не знаю, как вести себя, о чем говорить. Ощущение такое, что мы из разных миров. Я остался в прежнем, такой же шальной гуляка, а ты шагнул в иной, чистый, недоступный мне мир...

– Брось ты, – как-то ласково улыбнулся отец Михаил и коснулся руки Вдовина.

– И сам ты стал иным, – продолжил Олег. – Таким я тебя раньше представить не мог. А те, кто знает тебя сейчас, вряд ли могут увидеть тебя таким, каким знал я.

– Человек меняется, но прошлое всегда с ним. От воспоминаний не спрячешься в монастырь. Особенно остры и сладки они бывают, когда встретишься с человеком из прошлого...

– Сладки? – удивленно переспросил Вдовин. Ему почему-то казалось, что монах должен тяготиться своим грешным прошлым.

– Да, сладки печальной сладостью...

– Может быть, тебя тянет вернуться назад, к нам?

– Нет-нет. Такого нет, не было... Ничего нового я не увижу, не почувствую там, особенно после встречи с Таней, после того, что я пережил... Ты говорил, что я изменился после поездки в Пермь, где мы были руководителями областного семинара молодых писателей, да, именно эта поездка опрокинула всю мою жизнь... Не знаю, помнишь ли ты молодую поэтессу Татьяну Федотову, ведь ты был у прозаиков...

– Не помню, – подумал, покачал головой Олег.

– Она не была звездой семинара, ее лишь вежливо упомянули в списке подающих надежды, но не в этом дело, не в этом... Ей было в то время двадцать один год, она только что закончила пединститут и работала в школе на полставки. Все это я узнал потом, потом, а сначала она произвела на меня ошеломляющее впечатление...

– Я помню много девчат, которые производили на тебя такое впечатление, – не удержался, вставил, усмехнулся Вдовин.

– Было, было, но здесь иное, – перебил отец Михаил, недовольно морщась, и отхлебнул вина из бокала. Олег Вдовин умолк и больше его не перебивал. – Здесь иное... Как передать тебе, что меня поразило! Таня была необыкновенно красива, обаятельна, но многие в ее возрасте пленительны в глазах поэта. Она была непередаваемо очаровательна: тонкая, гибкая, изящная, чрезвычайно грациозная. Темные глаза ее под цвет волос всегда блестели, светились каким-то мягким светом, светом неиспорченной молодости, светом изумительной доб-

роты. В обращении она была проста, естественна, тепла и, казалось, совершенно не понимала, не чувствовала, что она божественно красива. Впрочем, может быть, все эти мысли о ней пришли ко мне потом, когда она заполнила собой всю мою жизнь. Впервые я увидел ее в конференц-зале среди семинаристов. Я сидел на сцене за столом среди руководителей, как всегда в таких случаях, был под хмельком, потихоньку разглядывал молодые лица в зале, пока не встретился с ней взглядом; помнится, она меня сразу поразила своей красотой, молодостью, и, как мне показалось, глядела она на меня с симпатией. Таня не отвела взгляда, не опустила глаза, когда я, не скрывая восхищения, уставился на нее, и помнится, в моей грешной голове мелькнула мысль: вот с кем я проведу сегодняшнюю ночь! «Как зовут девчонку в четвертом ряду, с краю?» – спросил я у сидевшего рядом со мной пермского поэта Игоря Тюленева, эталого Добрыню Никитича, лохматого, кучерявого, бородатого крепыша. Он с трудом вспомнил ее имя, шепнул: «Татьяна Федотова».

Я читал стихи семинаристов, но, откровенно говоря, не припомнил ни одной строки Татьяны Федотовой, видимо, они меня ничем не тронули, не запомнились. Я достал рукописи из кейса, нашел ее подборку. Полистал. Обычные строки начинающего поэта, без особой искры, без взлета, без ярких запоминающихся образов, но вполне грамотные, не бездарные. Одно стихотворение, о котором поговорить можно было, я отметил, запомнил одну строфу.

Вечером Игорь Тюленев познакомил меня с ней, сказал игриво Тане, что мне приглянулись ее стихи, и удалился, оставил нас наедине. Кстати, Игорь ничего необычного не видел в ней, как в женщине, а мне она почему-то сразу запала в душу. Я пригласил ее погулять возле пансионата, где проходило совещание и где все мы жили, поговорить о ее стихах.

Мы вышли на улицу. Приближался вечер. Солнце спряталось за деревья. В сторону леса к старому бетонному забору меж высоких сосен вела еле приметная тропинка. Мы неторопливо двинулись по ней, скользя по сосновым иглам, толстым слоем покрывавшим землю. Было тихо, тонко пахло хвоей, осенней грибной сыростью, прелыми листьями. Тропинка привела к пролому в заборе, по ту сторону которого был лес. «Пошли туда!» – предложил я. Таня подхватила в руки полы своего тонкого осеннего плаща, чтобы не зацепиться, не испачкаться, и гибко, юрко нырнула в узкую щель. Меня восхитило, как она легко, мило, грациозно проскользнула в дыру, и я с восторгом представил, как вечером буду обнимать ее тонкое крепкое тело. А то, что я буду обнимать ее, я уже не сомневался. Мы неспешно шли с ней по осеннему лесу, говаривали о поэзии, о ее стихах, я прочитал ей ту строфу, которую выучил, сидя в президиуме, поставил эти строки рядом с лучшими стихами Ахматовой. Она слушала молча, со своей обычной тихой улыбкой, но я был уверен, что это произвело на нее должное впечатление. На меня в тот вечер, помнится, вдохновение нашло. Я, как ты знаешь, за словом никогда в карман не лез, а рядом с ней меня распирало от восторга, от предвкушения чудесной ночи с прелестной девчонкой. Я заливался соловьем, говорил, говорил, читал стихи, сплетничал о жизни московских поэтов, к месту намекал, что она может легко влиться в поэтическую жизнь столицы, ведь в стихах ее прячутся алмазные россыпи, которые нужно только очистить от прилипшей к ним пустой породы, огранить, и они засверкают бриллиантами высокой пробы. Я видел, чувствовал, что слова мои приятны ей, ложатся на душу, и изредка с усмешкой, иронией думал о себе, мол, что только не наплетешь, чтоб затащить провинциальную девчонку в постель. Мы подошли к краю оврага. Заходящее солнце косо пронизывало лес золотым, чуть красноватым светом, который радугой переливался в сетях паука. Эта красота восхитила, поразила нас обоих. Мы остановились, я умолк, выдохнув: «Как здорово!» И как бы ненароком положил ей руку на плечо, приобнял. Она спокойно наклонилась к земле, подняла большой оранжевый кленовый лист, высвободилась таким образом из моих объятий и ответила ровно, сдержанно, просто, будто не обратила внимания, не заметила мою ласку: «Да. Дни сейчас стоят чудесные».

Мы повернули назад. Пока шли, смеркаться стало, холодать. И незаметно и плавно перетекли мы в мой номер, где продолжили разговор за бутылкой шампанского, которую я приготовил заранее, предчувствуя бессонную и приятную ночь. Таня почти не пила, чуть пригубляла вино и отставляла бокал. Я пытался шуткой заставить ее выпить, расслабиться, но она отвечала, что ей и так хорошо, свободно со мной. Я и сам видел, что она ничуть не зажата, держится по-прежнему просто, естественно, доверчиво, словно мы знакомы с ней давным-давно, но... но, это я почувствовал с невольным беспокойством, ведет она себя со мной, как со старшим братом, не видит во мне мужчину, любовника, верит, что я не опущусь до греховных притязаний. Глаз она не опускала, открыто и пленительно глядела на меня, смеялась шуткам, активно, заинтересованно принимала участие в разговоре, восхищенно восклицала или бросала краткие реплики, ведь весь вечер болтал, заливался я. Глядел я на нее влюбленно, откровенно, не скрывал своих чувств, желаний, но взаимного соития глазами, как говорил Пушкин, не было, ни разу я не почувствовал такого ответного взгляда, хотя смотрела она на меня, повторяю, с некоторым восхищением, с симпатией, но доверчиво и кротко. Я решил проверить, не заблуждаюсь ли я? Может, она так же кротко, просто и спокойно, как пришла в мой номер, ляжет в мою постель. После какой-то шутки, когда она залилась смехом, я с невинным видом, снова как бы невзначай, взял ее руку в свою и, весь замирая, с особенной нежностью задержал на мгновение, в следующий миг готовясь поцеловать, но Таня спокойно, незаметным легким движением высвободила руку, продолжая смеяться, сделала это так просто и естественно, снова будто не заметив моего порыва. Я еще раз, теперь более откровенно, попытался перевести наши дружеские отношения в любовные и встретил не отпор, нет, а такое наивное недоумение, удивление в ее блестящих глазах, будто я, солидный мужик, в здравом уме, вдруг ни с того ни с сего среди бела дня на людной улице вздумал влезть на бетонный столб освещения. Взобраться на него можно. Но зачем? Для чего? Мне стало неловко от ее наивного взгляда. Мы посидели еще полчаса, я пошутил, что пора моим старым костям на покой, в постельку, и попрощался с ней.

– Ты, как вспоминается мне, ту ночь куролесил вместе с нами и провел ее, это я теперь хорошо помню, с Алиной, откуда же Таня взялась? – с некоторым недоверием спросил Олег.

– Да-да, ты прав... разве мог я уснуть в ту ночь? Я, конечно, проводив ее, пошел искать вас. Нашел и до глубокой ночи был у тебя на глазах. Не знаю, заметил ли ты, что печаль не покидала меня ни на секунду!

– Одно помню хорошо, как твою печаль пыталась развеять Алина. И уверен, что не ошибаюсь: ту ночь ты завершил в ее объятьях!

– Это так, так... Весь мой пыл, предназначенный Тане, приняла Алина... Ты не поверишь, но то была последняя ночь, когда я обнимал женщину, – вздохнул, усмехнулся грустно отец Михаил.

– А жена? – удивился Вдовин.

– Утром я встал с больной головой, с ощущением мерзости на душе, не физической мерзости, а нравственной. Было такое ощущение, что я кого-то предал, сделал кому-то преднамеренную подлость. Горько было, ужасно горько! Я не сразу разобрался в своей душе: вроде бы ничего необычного я не совершил – пил, гулял. Ну и что? Не первый же день я пил-гулял! И все же ощущение было такое, что я изменил Тане. Глупее придумать было невозможно. Кто она мне? И что она для меня? Жене я своей, как ты знаешь, изменял безбожно и никогда не испытывал угрызения совести, оправдывал себя, что поэту нужен опыт чувств, что поэт принадлежит всем, а не одной женщине, вспоминал стихи: «Не изменяй!» – ты говоришь любя. «О, не волнуйся, я не изменяю... Но, дорогая, как же я узнаю, что в мире нет прекраснее тебя!» В общем, относился к семье, к любви, к жизни легкомысленно и безответственно. И вдруг такое неожиданное чувство! Как же я встречу с ней сейчас? Что ей скажу? Она сама подошла ко мне перед семинаром, улыбнулась своей тихой прелестной улыбкой, спросила, как я

отдохнул. Я ответил, что всегда плохо сплю на новом месте, хотел добавить по привычке балагурить, делать комплименты женщинам, что она всю ночь не выходила у меня из головы, но, слава Богу, сдержался, хотя я сказал бы правду, сказал другое, что тоже было правдой, что мне понравилось беседовать с ней, и предложил после ужина снова погулять по лесным аллеям вокруг пансионата.

И снова был чудесный вечер! Снова мы гуляли с ней по шуршащим под ногами листьям, снова говорили о стихах. Я был серьезней, не пытался заговорить, охмурить провинциальную девушку. На этот раз больше говорила она, и я дивился ее начитанности, глубине взгляда на жизнь. Немного удивляла, настораживала некоторая отрешенность, может быть, безнадежность по отношению к жизни. Я тогда видел это, как естественное отношение молодого человека к окружающему миру. Я сам в двадцать лет почему-то слишком мрачно воспринимал жизнь, хотелось покончить с собой, зато потом стал излишне жизнерадостным, жизнелюбивым.

В поезде, по дороге в Москву, Таня ни на секунду не выходила у меня из головы. Чтобы я ни делал, пил, болтал, рассказывал анекдоты, она стояла у меня перед глазами, вызывала ужасную печаль, тоску. Из-за этого я много пил...

– Да, пил ты много, – подтвердил Олег.

– Домой приехал в доску пьяный... С женой – скандал: она не отпускала меня в Пермь, говорила, что я пить там буду беспробудно... Но странно, я сразу почувствовал эту странность: жена ругалась, обзывала алкашом, а меня ее слова совершенно не трогали, я не обращал на них внимания, мне не хотелось отвечать, не было обычного в таких случаях раздражения. Жена, наконец, заявила, что спать со мной в одной комнате не станет, от меня воняет, как от бездомного бомжа, и ушла в другую комнату, на диван. Меня это устроило.

Утром я встал с ощущением радости на душе, с ощущением, что в мою жизнь вошло что-то большое, необъятное, что я так долго ждал, и что теперь моя жизнь пойдет по-иному, станет чистой, радужной, просветленной. И я понимал, знал, что это связано с Таней. Первая мысль, первый образ, первое слово, которые всплыли в моей голове, когда я проснулся, – это Таня, Танечка! Я, еще не открывая глаз, живо увидел ее рядом с собой, представил так явственно, что захотелось протянуть руку, прикоснуться к ней, погладить, приласкать. Я с улыбкой открыл глаза и, конечно, увидел пустую подушку, припомнил вчерашнюю ссору с женой, вернее, ее пустую, безразличную для меня ругню, и стал думать о Тане, вспоминать ее лицо, глаза, походку, ее голос: все это ярко всплывало в моем воображении. Брился я, как всегда, в ванной комнате, разглядывал свое лицо в большое зеркало, видел блеск в своих выпавшихся глазах, видел розоватые как бы помолодевшие после сна щеки, чувствовал утреннюю свежесть. За завтраком не обращал внимания на то, что жена не разговаривает со мной, беспричинно улыбался. Она, видимо, считала, что я насмехаюсь над ней, раздражалась сильнее, но пыталась выдержать характер, не заговорить первой. А у меня не было ни малейшего желания разговаривать с ней, ведь я беспрерывно беседовал с Таней, читал ей стихи, не видел, не слышал ничего вокруг. Вечером, увидев, что жена устраивается на ночлег в спальне, я перенес свою постель в кабинет.

На работу ехал, и по-прежнему явственно видел перед собой Таню, разговаривал с ней, рассказывал о себе, о тех чувствах, которые вызывает во мне она. Мне было легко, радостно. Вопросы, накопившиеся на службе во время моего отсутствия, решал быстро, без суеты, весело. Мне все время казалось, что Таня рядом, что она наблюдает за мной, и мне хотелось показать ей какой я умелый руководитель, как хорошо и ловко могу решать дела. Я еще не понимал глубоко, что случилось со мной, думал, что это легкий приятный флирт, который скоро забудется, как бывало не раз. Но я ошибался. Таня не уходила из моей головы, наоборот, все прочнее, крепче и радостней приживалась, укоренялась во мне. Через неделю я стал видеть ее своей женой, отчетливо сознавать, чувствовать с необыкновенным счастьем, что мы с ней

ждем нашего ребенка. Мы часто обсуждали, как назовем его. Я мысленно говорил Тане, что я даю ему свою фамилию, а имя пусть выбирает она. Когда я возвращался домой с работы, звонил в свою квартиру, то со счастливым нетерпением ждал, что мне откроет Таня, а когда распахивалась дверь и на пороге появлялась жена, я терялся, невольно мелькала мысль: что делает в нашей квартире эта женщина? Или мне казалось, что я задумался и ошибся этажом.

– А что жена? Неужто не догадывалась? Или вы продолжали играть в молчанку?

– Нет, ты знаешь ее. Она не глупа, поняла сразу же, что со мною что-то произошло, на другой же день прекратила глупую игру, заговорила, послала в магазин, а за ужином начала выпрашивать, почему я такой отрешенный, замкнутый, но глаза, как у блудливого кота, блестя, аж светятся от истомы. Раньше я легко, правдоподобно выкручивался, и теперь мне ничего не стоило наговорить какой-нибудь ерунды, сказать, мол, в голове сидит, не дает покоя замысел нового произведения, надо обмозговать, обсосать его со всех сторон, пусть, мол, она помолчит немного, а то спугнет. Прикрикнуть на нее, раздражиться, если не отстанет, продолжит расспросы. Она бы успокоилась, как было не раз. Но лгать, выкручиваться я не смог. Мне показалось, что этим я предам Таню. И я брякнул со вздохом:

– Влюбился!

– Как это? – растерялась, прекратила есть жена, положила вилку на стол. Видно, она сразу почувствовала, что я говорю правду.

– Забыла, как это бывает? – усмехнулся я.

– Шутка? – Ей очень хотелось, чтобы это была шутка.

– Не знаю, к сожалению ли, к радости, но это так!

– Что было дальше, я думаю, тебе не трудно представить. Жена у меня была эмоциональная, несдержанная... С этого вечера мы стали жить в разных комнатах, а потом я снял квартиру, но, как оказалось, ненадолго. Кстати, писать в те дни я не мог, сяду за стол и весь вечер разговариваю с Таней, представляю, как мы играем с нашим ребенком. Явственно все это вижу. Не верь, когда говорят, что влюбленному поэту особенно хорошо пишется, что у него в таком состоянии творческий подъем. Это не так!

– Ты перепутал любовь со страстью, – мягко возразил Олег Вдовин. – Это разные штуки... Ты был охвачен страстью!

– Может быть, может быть... И эта страсть охватила меня до такой степени, что временами, когда прояснялся разум, я всерьез стал думать, что болен, болен психической болезнью. Дошло до абсурда, до полнейшей глупости. Бывало, если ветер дует с северо-востока, со стороны Перми, я с необыкновенным счастьем подставляю ему щеки, представляю, что этот ветер совсем недавно ласкал Танино лицо, а теперь он прикасается ко мне; если облака неслись по небу в сторону Перми, я просил их передать поклон моей милой, полюбоваться на нее за меня, посмотреть, все ли у нее хорошо, не беспокоит ли ее что-нибудь, не нуждается ли она в моей помощи. Я стал бояться ездить на машине, бояться, что за рулем уйду в себя, в свой вымышленный мир и врежусь во что-нибудь. Так и случилось. Не увидел однажды красный сигнал светофора, выехал на перекресток, и самосвал со всего хода вмазался прямо в мою водительскую дверь. Очнулся в больнице. Голова гудит, словно туда многопудовый колокол всунули и звонят непрерывно, бьют в виски, грудь – сплошная боль, нога стянута бинтами, шевельнуть нельзя, и капельница надо мной. Мне повезло. Могло быть и хуже. Отделался я переломами ребер, сотрясением мозга да рваной раной ноги... Проснулся я однажды днем после тихого часа, смотрю – на кровати сидит Таня. Я не удивился ничуть, думал, снова виденье. Гляжу на нее спокойно, разговариваю с ней про себя и вдруг слышу ее голос, реальный тихий голос: «Больно?» и чувствую прикосновение к моей руке ее теплых пальцев. Ты знаешь, я здоровый бугай, вдруг, как какая-нибудь курсистка из девятнадцатого века, потерял сознание. Зазвенело, закружилось перед глазами... и пустота. Очнулся, она держит меня за руку, в глазах слезы.

Весь вечер мы с ней проговорили. Я рассказал ей, что сошел с ума после встречи с ней. Все-все рассказал и предложил ей выйти за меня замуж. Она попросила подождать, отложить разговор этот до моего выздоровления, что ей надо подумать, разобраться в себе. Через три недели я выписался из больницы, позвонил Тане: «Еду! Не могу ждать!» Она отвечает: «Хорошо... встретить на вокзале не могу... приходи к церкви Казанской Божьей Матери... Это недалеко от вокзала». И называет адрес, а в голосе такая тоска, такая печаль, что у меня сердце заныло, словно беду почувствовало.

Примчался я в Пермь утром. Встреча у церкви была назначена Таней на час дня. Осеннее утро в городе было пасмурное, сумрачное, туманное. На вокзале необычно тихо. Редкие пассажиры и встречающие ходили по перрону неторопливо, молчаливо, или сонно стояли на месте в томительном ожидании. Все звуки были приглушены, будто случилось какое-то несчастье и все вокруг: поезда, машины, троллейбусы ведут себя деликатно, стараются не нарушать зыбкую тишину. В душе у меня стояла какая-то туманная боль, непонятная щемящая тоска. Не ожидал я, не думал, что такое чувство охватит меня на моей земле перед скорой встречей с любимой женщиной. В Москве мне чудилось, виделось, как я легко слетаю со ступенек вагона, окрыленный, с огнем в груди, с нетерпеливой жадой встречи. Откуда взялась эта боль? Что случилось? Чего я боюсь? Почему так тревожится душа? Я зашел в кафе, чтобы убить время. Сидел, неторопливо пил кофе, смотрел в широкое окно, как призрачно, неслышно плывут в молочном тумане машины по площади, а в голове беспрерывно крутились, не давали покоя грустные строки: «образ твой мучительный и зыбкий я не мог в тумане осязать». Было еще часа полтора до встречи, когда я поднялся и направился пешком к церкви. Воздух был сырой, тяжелый. Деревья с облетевшими листьями влажно чернели сквозь туман. Я потихоньку брел к Казанской церкви Успенского женского монастыря, к этой Пермской обители, и бормотал про себя: «Целый день сырой осенний воздух я вдыхал в смятение и тоске». На холме из тумана проявилась большая синяя репа купола Казанской церкви. Я стал подниматься по длинной новой лестнице с влажными широкими каменными ступенями на холм, где за железной решеткой ограды стояла низенькая, в древнерусском стиле, белая церковь. Перед входом в ограду площадь, выложенная серыми квадратами плит и окруженная по краю холма низким, широким каменным парапетом. На нем слева у решетки ограды кем-то оставлена половинка длинной желтой дыни. Запах ее стоит в тихом осеннем воздухе. За парапетом, где лежит дыня, – должно быть, недавно посажен маленький росток то ли сосны, то ли кедра с длинными густыми иголками. Он огражден небольшим деревянным заборчиком, чтоб его не затоптали. Я живо представил, как через много лет этот только что посаженный кедр поднимется, распрямит плечи, раскинет свои широкие ветви, встанет могучим сторожем перед входом в церковную ограду. Рядом с ростком большая куча чернозема. Видимо, скоро им засыплют мусор возле парапета, разровняют и посеют газонную траву. Внизу – под холмом, возле жилого многоэтажного дома из белого кирпича, молодая рябина с алыми кистями ягод. С другой стороны площади, справа, газон с молодой яркозеленой травой, осенние цветы. И от этой рябинки с поникшими кистями ягод, на которых, словно слезы, матово застыли капельки воды от тумана, и от этих обожженных первым морозцем цветов, и от этой болезненно зеленой травы, от этого запаха брошенной дыни – сквозило такой печалью, такой тоской, что сердце защемило, глаза повлажнели. Я вошел в ограду. Там были такие же новые квадраты плит перед папертью, также зеленел газон, никли влажные цветы, и также было печально. Эту печаль усиливали тонкие девичьи голоса, пение церковного хора, доносившееся из открытой двери храма. Я перекрестился, вошел внутрь. Шла служба. Народу было немного. Справа – церковная лавка со свечами, с иконами, с книгами, слева за узким накрытым покрывалом прилавком юная монашенка в черном облачении до пят с фарфоровым чайником в руке, что-то разливает. Впереди спиной ко мне стоят, молятся две монашенки и несколько человек прихожан. Я купил три свечи и направился к иконе Божией Матери, чтобы поставить их за наше с Таней

здравие, помолиться, попросить долгую, счастливую, многодетную жизнь с любимой женщиной. Проходил я к иконе мимо молящейся монашенки. Она, услышав легкое движение рядом с собой, повернула голову в мою сторону, взглянула на меня, и я остолбенел, задохнулся, выронил свечи. В черном монашеском облачении, в клобуке: только милое бледное лицо открыто, передо мной стояла Таня.

– Господь с нами! – прошептала она внезапно побелевшими губами. – Погоди... После службы... – и торопливо перекрестилась тонкими бледными пальцами.

Я не смог ни слова вымолвить, так был ошеломлен, потрясен. Молча повернулся и, забыв о выпавших из руки свечах, побрел к выходу. Мне казалось, что иду я не по каменному полу, а по топкой вязкой трясине. С таким трудом мне давался каждый шаг. А в голове звенело, шумело, и снова в ней начали бить колокола. Не помню, как я оказался на автовокзале? Зачем я сел в автобус? Видно, Господь меня вел. Опомнился я, думается, часа через два в автобусе. Куда еду? Зачем?

– Где мы сейчас едем? – спросил я у соседа, пожилого деревенского мужика с серой щетиной на щеках.

– Белогорье, – кивнул он на улицу.

Туман рассеялся, чистое небо по-осеннему темнело синевой, и вдруг на горе ярко, зазывно вспыхнули на солнце золотые купола Крестовоздвиженского храма Белогорского мужского монастыря. Я вздрогнул, вскочил, кинулся к выходу, властно крикнул водителю, потребовал остановиться.

Ночевал я в монастыре. Не спал всю ночь, думал о своей жизни. Все то, к чему я стремился, о чем мечтал, чего добивался всю жизнь, показалось мне таким мелким, недостойным, вся моя жизнь представилась такой ничтожной, бесплодно-суетливой, что я, кажется, изошел слезами за ночь, оплакивая свои мерзкие поступки, свои мерзкие помыслы, свою несбывшуюся любовь. На заре я впервые в своей жизни встал на колени и стал жарко молиться, бормотать, просить Господа отпустить мне мои тяжкие грехи.

Утром я почувствовал необычную легкость, свободу не только на душе, но и во всем теле, словно я только что выздоровел, вырвался, освободился от тяжелой долгой болезни. Отстоял службу в храме и попросил настоятеля разрешить мне пожить в монастыре. Там я прижился, быстро познал весь церковный устав и был рукоположен в сан диакона, а потом в сан иерея...

– А с Таней... ты потом встречался? – спросил Олег.

– Мы теперь с ней большие друзья... – вздохнул, улыбнулся отец Михаил. – Мне приятно, радостно встречаться с ней, беседовать... Но встречи наши редки. Завтра утром мы увидимся на службе в Успенском монастыре... Конечно, то умопомрачение, та страсть давно ушли, оставили во мне, к счастью, не боль, не горечь, а какую-то лучезарную память, видимо, потому, что это помешательство столкнуло меня с тропинки, все дальше уводящей в заросли, открыло дверь к новой, умиротворенной жизни, в которой вместо суеты и печали душевный покой. Сейчас я впервые могу сказать о себе просто и искренне: я счастлив!

Вечером в компании новых друзей-пермяков Олег Вдовин пил необычно мало, был неразговорчив, грустен, думал о Алешке Каменеве, отце Михаиле, о его страстной любви, о его преображении, о его словах, что наконец-то он обрел душевный покой, думал о своей жизни, совершенно такой же, какую вел отец Михаил до ухода в монастырь, о своих трех бывших женах, которые не выдержали его бурной и буйной жизни, чувствовал раскаяние, мечтал о легкой светлой жизни, о душевном покое, и, может быть, от этого раскаяния, от грусти, под конец вечера все-таки напился, а утром проснулся в номере гостиницы в теплых объятиях молодой женщины и долго вспоминал, как ее зовут, неудобно обращаться к человеку, не называя по имени, но так и не вспомнил. Незнакомая женщина оказалась легкой, милой, остроумной,

и Олегу приходилось делать усилие, чтобы смеяться над ее шутками, самому шутить, чтоб не обидеть ее, не показаться унылым болваном.

Проводив женщину, взял такси и помчался в Успенский монастырь. Вдовин жаждал увидеть Таню, эту необыкновенную женщину, которая преобразила, переродила жизнь московского гуляки. Он живо представлял ее по рассказу отца Михаила, хотел убедиться: такова ли она на самом деле, познакомиться с ней, поговорить, почувствовать на себе ее чары. Может быть, она знает о жизни то, что ему неизвестно, то, о чем он даже не догадывается. Видимо, в глубине души Олега тлела надежда, что вдруг и на его теперешнюю одинокую жизнь, которой он стал изредка тяготиться, она подействует благотворно.

Утро было солнечное, теплое. Вдовин резво взлетел по каменным ступеням широкой лестницы на холм, на площадь перед белой приземистой церковью Казанской Божьей Матери с синим куполом. И на площади, и на территории монастыря было ухожено, чисто, уютно, чувствовались женские руки монахинь. Дверь в церковь распахнута, слышно пение церковного хора. Там теперь молятся Богу за нас грешных отец Михаил и матушка Татьяна. Олег двинулся к паперти, но чем ближе он подходил, тем нерешительней, взволнованней были его шаги. Пришли мысли: не смутит ли он их своим присутствием? Пожелает ли отец Михаил знакомить его с Татьяной? Не увидит ли он в том, что Олег примчался сюда, нехорошего умысла с его стороны? Вдовин приостановился возле ступенек паперти, чтобы обдумать эти неожиданные вопросы. Поющие, тонко и печально, девичьи голоса волновали его все сильнее и сильнее. Олег стал чувствовать свое бьющееся сердце, появилось ощущение, что если он ступит на первую ступеньку паперти, то навсегда потеряет многое из того, чем жил раньше. Потянуло повернуть назад. Несколько мгновений он колебался. Ему вдруг показалось, что он вечность стоит у церкви, раскачивается, как маятник, взад-вперед. И Олег решительно шагнул вперед, прошел мимо паперти, мельком увидел в раскрытые двери верхнюю часть иконостаса, жарко горящие свечи, склоненные спины молящихся, и торопливо сбежал по тропинке с противоположной стороны холма вниз, туда, где жизнерадостно шумела улица.

Мой брат Рассказ

Мне казалось, что я хорошо знаю своего старшего брата Валеру, пока не произошла эта ужасная история. Трагически завершилась она совсем недавно, всего три года назад.

А когда началась? Может быть, в девяносто пятом, когда я, директор собственного и процветающего в те годы издательства, соблазнился на уговоры туристического агентства купить на Канарских островах в одном из клубов ежегодную неделю на двоих. По глупости решил, что смогу каждый год летать на Канары и писать среди пальм в тиши и тепле под шум волн свои рассказы и романы. Я тогда представлял себе эти острова тропическими, сплошь покрытыми непроходимыми зарослями из кокосовых пальм, бананов и манго с ананасами. Виделись мне там песчаные пляжи по всему побережью.

Действительность, как всегда, оказалась иной. Канарские острова были вулканического происхождения и представляли собой каменистую пустыню с редкими чахлыми кустиками, похожими на верблюжьи колючки, и пыльными зарослями невысоких лопушистых кактусов, густо разбросанных по острову небольшими колониями. На острове Тенерифе, где был мой клуб, только в горах на полпути к кратеру вулкана Тейде были лесистые заросли тонких кривых деревьев да невысоких канарских сосен. Правда, на территории клуба вокруг чистого бассейна было зелено: огромные фикусы, пальмы, кусты бананов, другие неизвестные мне южные деревца с крупными цветами всех оттенков. Неподалеку от клуба недавно, видно, посажена молодая пальмовая роща. По всей ее площади были протянуты резиновые шланги с маленькими дырочками у стволов, откуда постоянно сочилась вода. Иначе пальмы не могли расти. Влаги совсем не было на этой сухой вулканической поверхности острова. Все побережье каменистое. Черные обугленные скалы то ровной отвесной стеной спускались к воде, то в беспорядке громоздились на берегу, торчали из океана. Волны играли среди черных камней, таких острых, что по ним трудно было войти в воду, не порезав ноги. Только в некоторых местах были маленькие бухточки с мелким черным песком, вернее, вулканической золой, которую постоянно полоскали мутные грязно-черные волны. Были и настоящие пляжи с мелким золотистым песком, но его привезли из Африки, из Сахары. Ближайший такой пляж от моего клуба Санинндейл Вилладж находился за четырнадцать километров. Рейсовых автобусов не было, и до пляжа нужно было добираться либо на такси, либо брать машину на прокат. Но у нас с Таней, моей женой, за неделю не нашлось ни одного дня, чтобы полежать на пляже. Все время мы провели в организованных экскурсиях по острову, осмотрели все достопримечательности, побывали на всех знаменитых развлекательных мероприятиях.

На следующий год Таня категорически отказалась лететь на Канары. Что там делать? Все увидели, везде побывали. Лететь далеко, семь часов, дорого. Если хочешь писать, говорила она мне, полетели в Ялту, в Дом творчества. Но черт тянул меня на Канары. Это обо мне писал Некрасов: «Мужик, что бык. Втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттудова не выбьешь. Упирается, а на своем стоит!» Но одному ехать не хотелось. Апартаменты в клубе были на двоих. И тут мне под руку подвернулся брат Валера.

Был он на два года старше. И по складу характера, и внешностью Валера отличался от меня. Был основателен, нетороплив, постоянен в своих пристрастиях. Не любил мотаться по свету, как я. У нас в деревне говорили, что он пошел в отца, а я в деда с материнской стороны, такой же непоседа. Внешне он был мужественен, лицом сухощав, смугл, с прямым носом, с красивыми темными бровями. Я рано начал лысеть, а у него до того времени были темные густые волосы. В юности я однажды услышал разговор деревенских женщин о нас, братьях. Они говорили, что Валера интересней, чем я, лицом, красота у него какая-то благород-

ная. Меня слова эти, честно говоря, неприятно задели, но брату я не завидовал, слишком мы были разными. Если меня полжизни носило по стране, пока я не осел в Москве, то Валера всю жизнь проработал на одном месте на химическом заводе в нашем районном городке Уварове старшим аппаратчиком. Работал бы там и сейчас, если бы завод не остановили реформаторы, а всех рабочих не отпустили в бессрочный отпуск без сохранения заработной платы. Женился он сразу после армии на легкомысленной и ветреной девчонке, которая любила легкую веселую жизнь, застолья, гулянки, мало думала о доме, о семье. Сын родился у них довольно быстро. Потом появилась дочь. Лет пятнадцать Валера терпел беспечную жизнь жены, пока не узнал о ее романе со знакомым шофером. Они разошлись.

Женщинам Валера нравился, поэтому после развода он не был долго один. Почти в каждый свой приезд из Москвы в родные края я заставал брата с новой женой. В те дни, когда я подыскивал среди друзей себе попутчика на Канары, Валера приехал в Москву развеяться после разрыва с очередной женой. Все эти разводы он воспринимал с иронией, посмеивался над собой, особенно не переживал. Я думаю, что давались они ему легко.

Валера ни разу не был за границей, и мне пришла в голову шальная мысль: предложить ему слетать со мной на Канары. Он согласился.

В аэропорту острова Тенерифе я взял машину на прокат, и мы покатали в клуб. Я чувствовал, что Валере приятно сидеть в новенькой машине, мчаться по прекрасной дороге по побережью. Он улыбался, глядел на спокойный солнечный океан, на скалистый берег, и я стал смотреть вокруг его глазами, глазами свежего человека, для которого все ново. До Канарских островов мы с Таней побывали во многих странах, пересекли всю Америку на машине от океана к океану, бывали в Мексике, всю Европу исколесили. Видели более экзотические места, потому-то, думаю, Тенерифе и не произвел на нас особого впечатления. А Валера нигде не был. Когда я представил себя на его месте, то вдруг даже пыльные заросли кактусов вдоль дороги на склонах холмов показались мне прекрасными, правильный серо-коричневый конус вулкана Тейде вдаль, с зацепившимся за вершину серым облачком, увиделся таинственным и очаровательным, а небольшие поселки рыбаков, прилепившиеся к скалам на берегу, необыкновенно романтичными.

– Представляешь, когда-то здесь стояли пиратские корабли! – взглянул на меня брат блестящими глазами, указывая на бухту, мимо которой мы проезжали.

Он показался мне в тот миг похожим на подростка, и я не удержался, засмеялся, кивнув:

– Ну да, – и добавил с улыбкой ему в тон, – чего только эти берега не повидали.

Ослепительно белые на солнце угловатые домики клуба; чистенькие дорожки, вдоль которых в черной земле, похожей на угольный шлак, росли необыкновенные тропические растения и цветы; белые каменные стены невысоких заборов сплошь увитые цветущими растениями; наши тоже белые внутри апартаменты – восхитили его. Он заглянул в холодильник, пооткрывал дверцы всех многочисленных шкафчиков, удивляясь тому, что даже посуда есть, потом включил телевизор, потрогал, покачал рукой матрас на застеленной белым покрывалом широкой кровати.

– Как чистенько, как бело все! – проговорил он и воскликнул, глядя в окно: – Смотри, океан видно! Какой он необыкновенно голубой на фоне белых домов!

Я вспомнил, как Таня фыркнула, войдя впервые в апартаменты и увидев, что это всего-навсего комната метров пятнадцать, заставленная многочисленной мебелью:

– Ну и апартаменты! Я думала тут черт знает что, а это обычный гостиничный номер...

Валера вышел на балкон, большой, чистый, с шезлонгами и круглым пластмассовым столом.

– На море, на море! – запел брат. – Море скучает без нас... Пошли поплаваем, – повернулся он ко мне.

– Я не хочу, чтобы ты в первый же день инвалидом стал. Вещи разберем и поплаваем в бассейне.

– Какой бассейн! Когда океан рядом. Я не сумасшедший!

– Если ты тут, – указал я в окно, – полезешь в воду, тебя именно за сумасшедшего примут. Только сумасшедший по таким камням полезет здесь купаться. Пляж подальше. Мы туда еще успеем...

Мы разобрали сумки, повесили вещи в шкаф и прямо в плавках, с полотенцами через плечо пошли в бассейн, где всегда плескалось, плавало несколько человек. Голубая прозрачная вода, белые пластмассовые лежаки и шезлонги на берегу под пальмами и широкими банановыми листьями, ресторанчик со столами возле воды, кровати с прохладным чудесным пивом, бильярдные столы возле воды – все приводило брата в восторг.

– Живут же люди! – покачивал он головой, отрываясь от кружки с пивом.

– Не живут, а отдыхают, – поправлял я с видом бывалого человека. – Живут они где-нибудь в скучной Европе.

В этот же день мы съездили на пляж, потом побывали в аквапарке Октопус, где, как дети, резвились, с визгом летали на спинах по мокрому пластмассовому желобу с высоченных горок в бассейн, прыгали с вышек. Вечером долго сидели в нашем ресторанчике на берегу бассейна, слушали, как тягуче и томно перекликаются цикады, смотрели, как черно возвышается на полнеба среди ярких южных звезд вулкан Тейде, на склонах которого мигали, переливались огоньками многочисленные поселки местных жителей, играли в бильярд. В бассейне, вдали от нас, все время забавлялась, резвилась юная парочка, все время слышался легкий плеск воды, смех, счастливое повизгивание. Освещенная фонарями изумрудная вода тихонько колебалась, поблескивала. Я чувствовал непонятную сладкую грусть, легкую хмель от вина, хотелось, чтобы эта ночь тянулась бесконечно. Мне почему-то казалось, что то же самое испытывает Валера. Я радовался, что приехал сюда с ним.

Утром я повез его показывать остров: вулкан, с потоками застывшей лавы, с огромными валунами, с безжизненным выгоревшим полем, до самого горизонта без единой травинки, без единого кустика, напоминающим лунный пейзаж; знаменитый парк попугаев, весь утопающий в зелени, с прекрасным дельфинарием. Потом погуляли по улицам столицы острова Санта-Крус-де-Тенерифе. Обедали в рыбацьем поселке Лос Абригос, в рыбном ресторане. Я заказал самые, на мой взгляд, экзотические блюда: лангуст, осьминога, устриц. Он попробовал на вкус порезанные щупальца осьминога и заключил:

– Наш рак лучше... – потом с отвращением указал на распахнутые перламутровые раковины устриц. – И ты эту гадость есть будешь?

– И ты будешь!

– Я не утка.

В детстве мы собирали в речке ракушки и кормили уток.

– Деликатес, – засмеялся я.

– У нас в речке этот деликатес пожирнее будет... Хотя б сварили, а то живьем...

Он, ехидно ухмыляясь, смотрел, как я выковыриваю ножом из раковины живое мясо устрицы и закусываю им водку. Наконец соблазнился, покушал.

– А под водочку ничего идет... – и засмеялся. – А я боялся, что дома скоро нечего будет есть, зарплату не дают. Вернусь, этим деликатесом питаться буду. У нас им все речки забиты...

Вечером свозил я брата в Экзит-Палас в городе Плайя де лас Америкас на национальные испанские танцы фламенко. С каким восхищением и восторгом смотрел брат на сцену, где, как огонь, полыхала танцовщица. Он забыл о вине, еде, которой был заставлен стол перед нами, не сводил глаз со смуглой испанки с гладко зачесанными назад жгуче-черными волосами с высоким бантом на затылке. Как гибко, как игриво-изысканно изгибалась она свой тонкий стан в быстром танце под звучную испанскую музыку, как невесомо и грациозно вскидывала

руки, играла пальцами, будоража сердце ритмичным стуком кастаньет! Как, приостанавливаясь, легко и звучно прищелкивала, стучала каблуками и вдруг игриво и изящно отбрасывала ногой широкое длинное платье с многочисленными оборками, резко вздымала их вверх, показывая на миг белые нижние юбки!

– Как хороша, как она хороша! – восхищенно шептал брат, не сводя глаз со сцены. Он как-то весь подался вперед, словно взлететь был готов и оказаться на сцене рядом с игривой и гордой испанкой. Пройтись вокруг нее, подняв руки и напряжнив грудь, щелкая каблуками и кастаньетами. Мне показалось, что он представляет себя ее партнером в танце. Это он кружил по сцене, вытянувшись, как стрела, подбоченясь одной рукой, а другую полукругом держа над гордой головой, прищелкивая, притопывая быстро-быстро и не сводя с нее глаз. Брат не прикасался к еде, когда она танцевала. Ел, пил только тогда, когда танцоры отдыхали, а на сцене работали иллюзионисты или пел песни высокий длиннолицый негр.

После концерта мы снова сидели около бассейна в нашем ресторанчике. Брат был грустен, необычно молчалив, много пил.

– Устал, домой потянуло? – спросил я. – Ностальгия?

– Кто там меня ждет, – грустно отмахнулся брат и вздохнул: – У меня все стоит перед глазами танец ее рук, пальцев, взмах ноги, подбрасывающей платье, а в ушах – звук кастаньет, каблучков! Как она хороша!

– Ты все о танцовщице думаешь? – удивился, усмехнулся я. – Хороша Маша, да не наша!

Накануне вылета в Москву мы поехали в знаменитый замок Сан-Мигель посмотреть на средневековый рыцарский турнир. У входа в замок было уже многолюдно. Над толпой возвышались два всадника в рыцарских доспехах, в круглых блестящих шлемах с закрытыми забралами, в длинных голубых плащ-накидках. Кони закрыты такого же цвета легкими попонами. Брат вдруг заторопился к ним, глаза его почему-то возбужденно загорелись. Быстро побрался к всадникам и, не обращая внимания на рыцарей, стал любовно поглаживать круп коня, потом подошел к его морде, снял длинную косицу гривы с глаза, похлопал ладонью по белой звездочке на лбу. Конь дружелюбно и приветливо качнул головой, словно встретил старого знакомого.

– Отличный коняга! Вот бы на нем проскакать сейчас!

Я вспомнил, что брат три с половиной года служил под Москвой в кавалерийском полку, который, как я думаю, никакой военной силы не представлял, только снимался в исторических фильмах. В молодости Валера гордился тем, что участвовал в киносъемках. Не пропускал ни одного такого сеанса в Уваровских кинотеатрах, несколько раз чуть ли не силой тащил меня посмотреть «еще разочек его фильм». Когда на экране появлялась скачущая конница, возбужденно дергал меня за рукав, кричал:

– Смотри, смотри, вон я, вдали! Видишь!.. Сейчас упаду, упаду!

Узнать брата в летевшей лаве всадников, а тем более на заднем плане, было невозможно. Тарахтели пулеметы, вздымалась земля от взрывов. Всадники один за другим летели на землю, кувыркались через голову, падали кони в пыль.

– Видел, видел! – спрашивал Валера.

– Да, да, – подтверждал я, чтоб не обидеть его.

– Закончишь свой ВГИК, непременно напиши сценарий исторического фильма. Я такие трюки на коне могу показать, любой казак позавидует, – хвастался он. – Как-никак три с лишним года в седле провел...

Каждому входившему в замок зрителю выдавали бумажную корону и передник, широкую полоску ткани с прорезью для головы. Их предлагали сразу надеть на себя. Внутри замок представлял собой длинный стадион, разбитый на секции, со скамьями, поднимающимися вверх. Перед скамейками – длинные грубые деревянные столы, на которых уже стояли высокие бутылки с красным и белым испанским вином, кружки и неизменные кока-кола и фанта.

Проход между столом и нижней скамьей широкий. По нему потом будут на тележках развозить еду. Посреди стадиона длинная арена, засыпанная песком и отделенная от зрителей деревянным барьером. С одного торца – кирпичная стена, на которой висели щиты, мечи, копья, плети, цепи и широкий проем с темно-зеленым занавесом, откуда будут выскакивать всадники. На другом торце на высоте второго этажа была королевская ложа с открытым белым занавесом. В ложе все сверкало золотом. Оба трона с высокими резными спинками пока пусты. Стол перед ними накрыт бордовой скатертью, на ней бутылки, тарелки. Рассаживали нас по секциям по цвету передников, которые у всех были разные. Нам достался темно-синий цвет. Я знал по прошлому посещению замка с Таней, что все рыцари будут в разных по цвету плащах. Наша секция должна будет болеть за темно-синего рыцаря. Мы с Валерой заняли места во втором ряду.

Зрители еще шли, а некоторые секции уже начали что-то кричать, свистеть, что-то дружно скандировать, выкрикивать, орать песни. Ими снизу от барьера дирижировал какой-то человек. Стало шумно.

– Наливай! – крикнул я брату и взял бутылку. – Три часа такой ор стоять будет!

Грянула музыка, и из проема в стене показался первый всадник на белом коне. Брат отставил кружку с вином, весь вытянулся навстречу коню, который, танцуя стройными ногами, величаво выгнув голову с белой гривой, бочком поплыл по песку в сторону королевской ложи. Рыцарь, в шлеме, в доспехах, в черной накидке, сидел как влитой, словно он был с конем единым целым. Раздались аплодисменты: в ложе показались король с королевой. Оба в коронах, в малиновых мантиях, расшитых золотом. Поклонились зрителям, уселись на тронах. В это время рыцарь на белом коне подплыл к ним и низко склонил голову в шлеме.

Рыцари в разного цвета накидках и платьях под доспехами один за другим выезжали на арену, неторопливо, важно шагали по всему залу к ложе, приветствовали короля с королевой и поворачивали коней каждый к своей секции по цвету накидки поклониться болельщикам, которые встречали рыцарей аплодисментами и дружным криком. Мы с братом, подогретые вином, тоже не жалели глоток. Наш рыцарь оказался коренастым, крепким, ловким испанцем, лобастым, с короткими темными волосами и большими залысинами. Лицо, темное, круглое, светилось легкой иронией, уверенностью. Черные глаза жестко и нагло блеснули при свете. Он поднял вверх меч, приветствуя нас.

– Турнир начинается! – Объявили на нескольких языках, в том числе и на русском.

– Смотри-ка! – радостно крикнул мне на ухо брат. – И на нашем!

– Здесь полно русских! – ответил я.

Вначале рыцари каждый в отдельности показывали нам свое мастерство наездников: срубали на скаку мечами подвешенные кольца, на скаку метали копья в большой деревянный брусок с мишенью. Нас в это время угощали мамалыгой в деревянных чашках, потом выдали каждому по целой жареной курице. Мы ели, пили, кричали. Восторженно орали после удачных трюков, оглушительно освистывали промахи. Рыцари нам подыгрывали, притворно злились, грозили чужим болельщикам кулаками, когда их освистывали. В них в ответ кидали обглоданными куриными костями. Захмелевший Валера тоже свистел, ругался, кричал «сапожники!», когда что-то не удавалось у рыцарей. Я хохотал над ним. Наш рыцарь был особенно удал, ловок, зол. После одного удачного трюка король угостил его вином. Выпив, он вдруг остаток вина выплеснул в лицо одному из рыцарей, который в тот момент оказался рядом с ним.

И тут произошло то, что я никак не мог ожидать. Если бы я мог подумать об этом, я бы непременно удержал брата, и не произошла бы эта ужасная история.

Рыцари стали по очереди выполнять следующий трюк. Они должны были на полном скаку, держа копьё в руке, попасть острием в колечко, подвешенное над ареной на ленточке, нанизать его на копьё и сорвать. Наш темно-синий рыцарь, до этого отлично выполнявший все трюки: на всем скаку метко бросал копьё в мишень, на скаку поднимал ленточку с земли, –

на этот раз промахнулся, не попал в кольцо, проскакал мимо. Зал взорвался свистом. Рыцарь сделал огорченное лицо и понуро вернулся, остановился возле нашей секции, глянул на нас, своих болельщиков, с надеждой, как бы ища у нас поддержки. Но мы тоже свистели, недовольные им, кое-кто из первого ряда плеснул в его сторону вином из кружки, кто-то сверху кинул куриную кость. Тогда рыцарь зло блеснул жесткими глазами, сделал вид, что рассердился на нас, спрыгнул с коня, подвел его к барьеру, протянул в нашу сторону поводья и что-то недовольно крикнул. Мол, попробуйте сами, а потом свистите. И в этот миг Валера вскочил на скамью, потом на стол, прыгнул через проход на спинку нижней скамьи, на чужой стол, на барьер, выхватил из рук рыцаря поводья, сильно толкнул его в грудь так, что тот от неожиданности рухнул навзничь на песок. Брат вскочил на коня, вздыбил его. Конь прыжком рванулся к стене с оружием. Все это произошло в один миг. Зал онемел на секунду, потом ахнул, взорвался диким ревом восторга. Я похолодел от ужаса, протрезвел сразу, прилип к скамейке, не зная, что делать. А брат подскакал к стене, сорвал копьё, развернулся и полетел к кольцу, держа копьё в поднятой вверх правой руке. Рыцарь вскочил на ноги и бросился ему навстречу, попытался схватить коня под уздцы. Но Валера промчался мимо, ни чуть не задержавшись, нанизал кольцо на копьё, подскакал к королевской ложе, взмахнул снизу вверх копьём. Кольцо с ленточкой сорвалось с него и полетело в ложу. Король поймал его на лету и поднял над головой, показывая зрителям. Зал ревел от восторга. А к брату уже бежало несколько человек в униформе. Валера снова развернул коня, дернул поводья и полетел назад, держа копьё над головой. Он взмахнул им, швырнул в мишень. Копьё воткнулось в него. У противоположной стены на брата налетело сразу несколько спешившихся рыцарей. Они стащили его с коня. Валера упал в песок, но как-то сумел вывернуться из их рук, вскочил, побежал к барьеру в мою сторону. Но его снова сбили в песок и потащили к стене, к проему. Я кинулся ему на помощь. Но дежуривший около нашей секции охранник в униформе, бросился на меня сзади, обхватил руками и сильно придавил к деревянному барьеру так, что я шевельнуться не мог. Я с тоской смотрел, как рыцари чуть ли не волоком утаскивают брата с арены. Зал ревел, многие зрители стоя размахивали, крутили над головами свои передники. Охранник, видя, что я не дергаюсь, не сопротивляюсь, ослабил натиск, взял за локоть и повел к моему ряду, что-то говоря. Потом указал рукой на мое место. Я послушно пробрался по ряду к своему столу, сел и стал глядеть на занавес, на проем в стене, куда утащили брата, надеясь, что он вскоре появится. Я не слышал страшный рев зала, с тоской думал, что брат влетел минимум на полгода за хулиганство. За счастье приму, если его только оштрафуют. Пусть на кругленькую сумму, пусть! Лишь бы выпустили. Не отпустят, как я его буду искать, ведь я ни слова по-испански не знаю. Влипли, ну влипли!

Зал успокаивался потихоньку, представление продолжалось. Но мне было не до рыцарского турнира, не до еды, не до питья. Я все поглядывал на проем. Охранник стоял возле моего ряда, и как только я подозрительно шевелился, тут же поворачивал ко мне свое строгое лицо.

Брат появился не оттуда, откуда я его ждал. Он спустился сверху, быстро прошел мимо охранника и, широко улыбаясь своей наивной сияющей улыбкой, улыбкой подростка, хорошо и удачно пошутившего среди взрослых, стал пробираться ко мне.

На сердце у меня отлегло немного: отпустили, хоть искать не придется.

– Ты с ума сошел! – встретил я его сердито.

– Сошел, сошел, – быстро ответил он и улыбнулся соседям, которые смотрели на него с восхищением и восторгом. – Наливай! – И сам взялся за бутылку вина, разлил остатки в кружки. Потом поднял пустую бутылку, показал охраннику и пощелкал по ней пальцем.

Тот спокойно кивнул, подозвал официантку и что-то сказал ей, указывая глазами в нашу сторону.

– Ну, ты и наглец! – покачал я головой. Сердиться на него расхотелось.

– Как будто ты не знал, – радостно хохотнул он.

К нему потянулись чокнуться соседи, и он радостно подставлял им свою кружку.

– Рассказывай, штрафанули? – спросил я, когда мы выпили.

– Хуже, – взялся он за курицу. – Работать предложили...

– Брось...

– Без балды, – рвал он курицу зубами.

– Ну да, – усмехнулся я недоверчиво.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, а я согласился. Завтра выхожу на работу, – спокойно сказал брат и взял новую полную бутылку вина из рук официантки. – Вот так!

– И что ты будешь делать? – Я все еще не верил ему.

– Жрать курицу, пить вино задаром на этом месте... Еще по кружечке? – Спросил он у меня, указывая глазами на бутылку. – Впрочем, тебе рулить. Смотри, не перебери!

– Полкружечки можно... – Пододвинул я к нему свою кружку и съехидничал. – И вся работа?

– Нет, когда тот придурок, – кивнул он в сторону нашего рыцаря, который на арене рубился мечом так, что искры летели, – предложит попробовать вместо него, я, как сейчас, должен вскочить в седло и сорвать кольцо. Только и делов... Ты же видел, как народу моя проделка понравилась. За эти пять минут обещают пятьдесят долларов и бесплатное жилье, не считая курицы и вина, – щелкнул он пальцем по бутылке.

– Ты же ни одного испанского слова раньше не слышал, – начал я верить в правдоподобность его слов.

– Если надо, выучу, это чепуха... – беспечно ответил он и засмеялся. – Самое интересное вот что: меня обязали матом кричать, когда я буду скакать с копьём, для убедительности. Говорят, что здесь полно русских... Поработаю немного, а там, глядишь, в Уварове завод пустят, вернусь в аппаратчики. Все равно дома сейчас делать нечего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.